

потому что на мне была корова. И вот они ходят и поют:

Курица белая,
Если дадите нам сегодня яичко,
Она будет носить по три яйца в день,
А если не дадите,
Она сразу же ослепнет.

И скоро у них мешок был полон. Там и яички, и ватрушки, и пироги, и орехи. Мальчики пируют. А я дома с коровой. Доить коров тоже было дело замечательное, невероятно интересное. Соседскую девочку ее мама тоже оставила на хозяйстве. Прибежит ко мне моя подруга и говорит: «Корову будем доить?» Я говорю: «Да. Чью сначала?» — «Вашу». И мы подсаживались к нашей корове вдвоем. Она с одной стороны, я — с другой. А наша корова не знает эту девочку — как даст ей хвостом, она и отлетит в сторону, шутка, смеха было, словом, так доили, что обе были мокрые от молока. А потом Гена придет, посмотрит на наши мытарства и говорит: «Вот вам угощение!» И поставит перед нами целый мешок. Вот так мы Пасху отмечали.

Невероятно красивый праздник был Троица. На Троицу у нас огромные хороводы велись. У каждой деревни, у каждой улицы был свой хоровод. Все эти уличные хороводы потом собирались в один большой всей деревни. А в воскресенье хороводы уже нескольких деревень в один собирались. Красота, которую описать нельзя — девушки все в *серебре*. А маленьким девочкам было позволено (это была особая честь) войти в середину этого хоровода, сесть на траву и там играть своими игрушками. О такой чести мечтала любая девочка. Это называлось *камушки*.

Начинается осень — все готовятся к празднику Покрова.

В нашей деревне была только школа-семилетка, восьмой, девятый, десятый классы я заканчивала в другой деревне. Жила на квартире. Хозяйка моя была верующая. Звали ее Васса. Я цер-

ковного календаря не знала, а вот как она наденет белое платье, сразу понятно — сегодня церковный праздник.

— **Ева Николаевна, а у вас ведь имя библейское, в самый раз для человека, который переводит Библию...**

— Да, вы верно заметили — библейское. Когда я, мирской, светский человек, начинала переводить Библию, некоторые наши батюшки отнеслись к этому недоверчиво. Доверие возникло постепенно. А потом кто-то сказал, мол, простим ее дерзновение *ради имени...*

— **Ради имени?..**

— Да, ради имени. Решили, если она — Ева, значит, она и должна была переводить.

— **Ева — это ведь символ начала всего... Адам и Ева... А ваши родители — Николай и...**

...Феодосия. В переводе с греческого «Божий дар». Мои родители...

— **...Атте-анне?**

— Да, так это слово звучит по-чуваши. Мои родители были замечательными личностями. Папа был учителем русского языка и литературы, писал стихи, печатался, переводил Пушкина... И без памяти любил маму. У него было плохое зрение и его не взяли на фронт. Мама мне рассказывала, что отец от стыда, что его не взяли на фронт, ходил в школу на уроки не по улице, а пробирался огородами. Трижды был в районе и наконец добился, чтобы его взяли... Сохранились его письма с фронта. В своем последнем письме с фронта папа писал маме, что во вчерашнем бою потерял очки и теперь думает, как же ему теперь без очков воевать? На следующий день он погиб. И я помню, как мама плакала об отце, как причитала: «Как же он мог погибнуть? Куда, в какую сторону он, полуслепой, пошел?.. Как же его золотые волосы смешались с грязью?..»

— **Потрясающие слова. Библейский плач....**

—...И я плакала, потому что плакала мама. И в этом же письме папа обращается к сыну, к Гене, который 1 сентября пошел в школу в первый класс. В этот день, писал он, мы с тобой вдвоем должны были пойти в школу, а вот ты идешь *один*... Гена перед смертью вспоминал, как у него подкосились ноги, когда в Париже он впервые увидел Собор Парижской Богоматери. Он заплакал навзрыд, потому что вспомнил, как отец в детстве во всех подробностях пересказывал ему содержание книги Виктора Гюго. Именно тогда он понял свою любовь к Франции, к французским поэтам, которых переводил...

— **А Вам Господь дал радость переводить Слово Божие, Библию на родной язык...**

— Да, это радость... Но это радость вдвойне, когда ты понимаешь, какой *невероятно богатый* чувашский язык. Я не могу сказать, что мой перевод Библии дословный. Но у меня такое чувство, что мой язык создан и для того, чтобы на нем звучала Библия. Потому что, когда я перевожу Библию на чувашский, то необходимые мне для передачи смысла переводимого чувашские слова тут же находятся, как будто ты делаешь дословный перевод. На чувашский *легко переводить все, что связано со страданиями, муками*...

— **Видимо, народ глубоко переживал свои страдания, и рождал для этого слова... А вам надо было только найти эти слова...**

— И это было не всегда легко. Я переводила Книгу пророка Иезекииля. Меня долго, к примеру, мучило слово *сокровенный*. Я так долго его искала. Я могла его перевести, но несколькими словами. Но я все время чувствовала — не то... Есть в чувашском более точное слово. Надо искать. Но я не могу, не могу найти! И я стала молиться пророку Иезекиилю? Я ведь его так любила... Мне

казалось, что он священник... Он мне напоминал моего духовного отца протоиерея Валентина Асмуса... Кто говорил с Богом, Иезекииль? Не я. А ты! Ты знаешь это слово. И в изнеможении кладу голову на подушку и хочу заснуть. И чувствую, как пророк Иезекииль материально, физически входит в мое сознание. И я нахожу это слово — «сокровенный» — *чун тепенчи — то, что на дне души, сердца*. Так коротко и просто по-чуваши. Я говорю: «Ох, все!»

— **Это редкое слово?**

— Очень. Народное, мы уже не употребляем его, видимо, потому, что *поверхностно* живем. Слово *из недр* языка... А какие сложности были с переводом одного из ключевых слов Библии — Господь, пока у меня не родился неологизм *Сулхуда — Высший хозяин*...

— **Ева Николаевна, на Украине в Закарпатье в городе Ужгороде живет священник Димитрий Сидор. Он русин (русинский язык очень близок к церковно-славянскому) и переводит Библию на русинский. Я его спрашиваю, какие особенности Евангелия на русинском, чем отличается от русского перевода? Он ответил, что, работая над переводом, благодаря русинскому языку почувствовал необыкновенный драматизм Евангелия, который в Евангелии на русском языке присутствует в меньшей степени. Как звучит Евангелие на чувашском языке?**

— Одна монахиня (по национальности чувашка) в Спасо-Преображенском монастыре в Чебоксарах сказала об этом так: «Когда читаешь Евангелие на русском, то смысл прочитанного сначала понимаешь умом, а потом сердцем. А когда читаешь на чувашском, то *сразу сердцем*». Это другой путь постижения Слова Божиего. Чувашу (и это естественно) ближе читать Библию на родном языке. И я счастлива, что он теперь имеет такую возможность.